

**Нет автора**

**Русская старина**

**1906. 1\_3**

УДК 304  
ББК 60.5  
Н57

Н57 **Нет автора**  
Русская старина: 1906. 1\_3 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 705 с.

**ISBN 978-5-458-02876-9**

**ISBN 978-5-458-02876-9**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2021  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## Библиографическій листокъ.

Арсеній Мацѣвичъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій. Свѣщенника М. С. Попова. Съ 4 рисунками. С.-Петербургъ. 1905.

Въ основу жизнеописанія митрополита Арсенія Мацѣвича положено громкое „дѣло“ его, Свѣдѣнія объ этомъ „дѣлѣ“, разбѣяны по архаичнымъ разнымъ вѣдомствамъ, была тщательно скрываемы такъ въ продолженіе долгаго времени. Въ архивѣ Св. Синода находится первое свѣдѣтельное дѣло объ Арсеніи 1763 г. по поводу протеста его противъ отобранія церковныхъ имѣній; въ архивѣ Архангелогородской губернской канцеляріи есть „дѣло о монахѣ Ватоговѣ и прочихъ“, которымъ начинается второе свѣдѣтельное дѣло объ Арсеніи Мацѣвичѣ. Въ Государственномъ архивѣ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ „дѣло о разстригѣ Арсеніи, іеродіакоу Іосафѣ и прочимъ“ является продолженіемъ предыдущаго „дѣла“. Значительная часть его напечатана Н. Моршкнинымъ въ нашемъ журналѣ за 1885 г.

При наложеніи архивныхъ запятокъ объ Арсеніи Мацѣвичѣ второму приняты въ руководство ученые труды, касающіеся личности его и защищаемыхъ имъ церковныхъ мѣръ: Н. И. Лодукина, Е. Волхонкинова, Н. А. Чаstopича и др.

Изъ написанныхъ въ печати научныхъ трудовъ объ Арсеніи Мацѣвичѣ одинъ принадлежитъ его жѣту изъ исторіи, объясняя дѣло его, какъ продуктъ его личныхъ убѣжденій (С. М. Соловьевъ); другіе, напротивъ, находятъ мысли о секуляризаціи случайно возникшемъ въ XVIII в., а Мацѣвичемъ—защитникомъ вѣковыхъ народныхъ воззрѣній (Н. И. Варсонои). Исследованіе проф. В. Исканикова изъ общаго поблагопріятно для памяти Арсенія Мацѣвича, которого авторъ представляетъ защитникомъ крѣпостничества, тогда какъ В. А. Вильбасовъ объявляетъ Мацѣвичу слѣдующія строки: „Екатерина увидѣла изъ дѣла Мацѣвича, что съ духовенствомъ можно и не церемониться... Въ честь русскаго духовенства была достойнѣе Барлаамъ (Арсеній Мацѣвичъ). Онъ былъ фанатикъ изъ лучшихъ амыскъ этого слова. Въ доношеніи своемъ Арсеній съ пристономъ дѣлающаго ему честь, и съ достоинствомъ архимандрита высказываетъ своей взгляды на секуляризацію“.

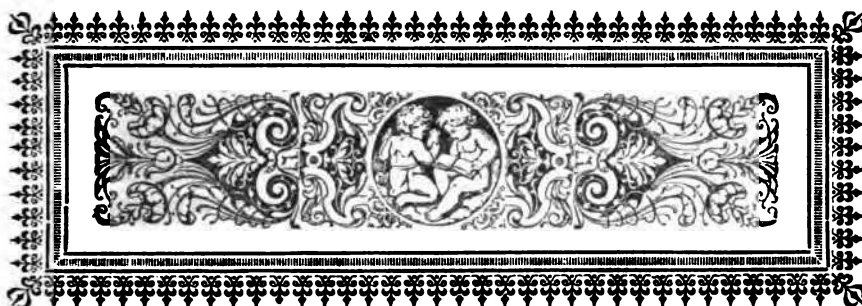
Личность Ар. Мацѣвича осѣщается, промѣ того, учеными исследованиями о церковныхъ вѣдѣвшихъ вѣдѣвшихъ; видное мѣсто въ ряду такихъ исследованийъ занимаютъ труды: М. Н. Гурчакова, А. А. Завялова, Милитана, проф. А. Павлова, Н. П. Семевскаго, Гостославина и др.

Разнообразный нашъ сохранившій трудъ св. М. С. Попова состоитъ изъ трехъ частей: въ первой части говорится о духовенствѣ времени императрицы Елизаветы Петровны; вторая свѣдѣнія церковныхъ мѣръ при императрицѣ Екатерины II и секуляризаціи ихъ; „дѣло о разстригѣ Арсеніи“ составляетъ предметъ третьей части.

Арсеній Мацѣвичъ въ продолженіе своей жизни и дѣятельности носилъ три имени: при рожденіи его назвали Александромъ; нарѣченъ былъ онъ сталъ и въ духовномъ, и въ свѣ-

скомъ мѣрѣ, какъ въ Россіи, такъ и въ ея,— подя монашескіи именахъ Арсеніи; узуръ же онъ подя именемъ разстрига Андрея Врала. Отъныя потомства о немъ, при вселхъ ихъ разнообразіи, можно свести также къ тремъ категориямъ. Одни не придаютъ никакого значенія дѣлу Арсенія Мацѣвича. У другихъ онъ представляется, какъ противникъ духовнаго регламента, защищающій выгоды привилегированнаго сословія и самообольщенный своею властью,—поборникомъ церковнаго самосуда, политическихъ преступниковъ и святошамъ, запоздѣлымъ защитникомъ церковныхъ правъ, фанатикомъ и пугаломъ,—вообще человѣкомъ, не занимающимъ вѣчной времени. Наконецъ, есть мнѣнія совершенно противоположныя: А. Мацѣвича называютъ энергичнымъ архіереемъ, оставшимъ по себѣ такую же почта памяти, какъ патриархъ Николь, вождемъ старорусской партіи, стоявшимъ за сохраненіе прежняго государственнаго строя и шедшимъ противъ модныхъ вѣдѣ XVIII вѣка, замѣчательнымъ по уму и ревности; самые жестокіе поступки Арсенія съ соединенными оправдываютъ правами вѣны; готовы признавать у этого свѣтителя даръ пророчій или, по крайней мѣрѣ, стойкости и доблести, достойную подражанія.

Арсеній Мацѣвичъ происходилъ изъ польской шляхты и былъ сынъ православнаго священника въ Владимірѣ Волынской. Образование свое онъ получалъ въ академіи: Владимірской, Варянской, Львовской и Кіевской. Пробывши въ Кіевской академіи не болѣе одного года, онъ въ 1716 г., будучи еще 19 лѣтъ, принимаетъ монашество и получаетъ должность проповѣдника и учителя латинскаго языка въ Новгородъ-Сѣверскомъ епископскомъ монастырѣ. Два или три года, проведенные здѣсь Арсеніемъ, были самымъ лучшимъ временемъ его жизни. Въ 1718 г. онъ вновь поступилъ въ Кіевскую академію „для слушанія философіи и богословія“ и здѣсь, въ 1723 г., принялъ санъ іеромонаха. Онъ окончилъ слушаніе академическихъ наукъ въ 1726 г. и жилъ при епископѣ Барлаамѣ Воиновитѣ, въ качествѣ проповѣдника, а затѣмъ— въ Кіевско-Печерской заурѣ. Въ октябрь 1729 г. ѣдетъ въ Сибирь по вызову сибирскаго митрополита Антонія Огатовскаго для проповѣданія слова Божія, и прожилъ въ Тобольскѣ два года. Въ 1738 г. открылась вакансія законоучителя въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ, и онъ былъ назначенъ на эту должность. Въ слѣдующемъ году его назначили законоучителемъ гимназіи при Академіи наукъ. Въ 1740 г. стала свободною архіерейская катедра въ Тобольскѣ, куда и былъ назначенъ Арсеній 10 марта 1741 г. Дѣятельность его въ Тобольскѣ епархіи была непродолжительна. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени вступленія его „въ престолуправленіе“, какъ онъ оставилъ Тобольскъ и ѣдетъ въ Москву. Здѣсь вкорѣ ему указали быть митрополитомъ Ростовскимъ и владѣть Св. Синодомъ. Въ виду существованія у архіереевъ вѣтлнчства, возникло дѣло о заведеніи въ Синодѣ „по епархискимъ степенямъ“. Государыня не скоро разрѣшила это дѣло. Между тѣмъ возникли другія осложненія: и у Государыни, и въ Синодѣ стало на-



*Pine Fund*

## Записки В. А. Исхарскаго.

ЧАСТЬ V<sup>1)</sup>.

I.

Пріѣздъ князя въ Москву и Петербургъ.—Великолѣпная встрѣча князя въ Москвѣ.—Шамиль, Ермоловъ и князь Барятинскій вмѣстѣ.—Рядъ торжествъ для князя въ Петербургѣ.—Старый генералъ, стремящійся „обнять и поцѣловать князя“.—Великолѣпный обѣдъ, данный князю англійскимъ клубомъ.—Неудачный парадъ, устроенный государемъ для князя.—Дѣла, конченныя княземъ въ Петербургѣ.—Наборъ новыхъ адъютантовъ князя.—Отъѣздъ князя въ Москву.—Художникъ Зичи, назначенный для снятія всѣхъ замѣчательныхъ моментовъ при переѣздахъ князя.—Праздники, данные князю въ Москвѣ.—Мученія наши съ рѣчью, которую князь долженъ былъ произнести.—Сочувствіе москвичей „въ голубчикамъ кавказцамъ“.—Шумный праздникъ у цыганъ, устроенный для свиты князя.—Отъѣздъ князя въ Тифлисъ.

**Н**аконецъ, наступилъ день пріѣзда князя въ Москву. Погода была ужасная. Мятель бушевала съ ранняго утра и ни на минуту не прекращалась; сугробы нанесло на улицахъ невообразимые. Предъ дворцомъ поставлены были солдаты, въ видѣ почетнаго караула. Въ комнатахъ дворца сосредоточились всѣ знаменитыя лица Москвы, военныя и гражданскія, для встрѣчи князя. Ожиданіе было чрезвычайно продолжительное и было бы еще продолжительнѣе, еслибы, по моему предложенію, не была послана къ оставшій придворная карета, въ которой князь пріѣхалъ одинъ во дворецъ, до такой степени скромно и почти незамѣтно, что я же долженъ былъ возвѣстить всѣмъ, что это пріѣхалъ именно князь.

Въ вихрѣ крутящагося снѣга князь быстро обошелъ полузамерз-

<sup>1)</sup> См. „Русскую Старину“ 1904 г. № 12.

шихъ солдатъ и вступилъ въ комнату, наполненную ожидающими. Приемъ всѣхъ этихъ господъ былъ очень кратокъ. Послѣ нѣсколькихъ фразъ съ генераль-губернаторомъ, покойнымъ Тучковымъ, онъ поклонился всѣмъ и удалился во внутреннія комнаты. Время было позднего обѣда, и намъ было объявлено, что князь приглашаетъ обѣдать съ нимъ только „своихъ“. Кромѣ свиты, съ нимъ прибывшей и состоявшей изъ покойнаго Тромповскаго, потому что хотя непокойнаго, по ступевавшагося уже Дав—дова, и Лимановскаго, нынѣ дежурнаго генерала кавказской арміи, своими были только я и Свѣчинъ.

Переодѣвшись, князь вышелъ къ намъ, бодрый и веселый. За обѣдомъ, по общаю, большею частью онъ говорилъ одинъ. Онъ рассказывалъ, какъ удивилъ его налетѣвшій на него въ дорогѣ курьеръ съ фельдмаршалствомъ, какъ надоѣла ему снѣжная и ухабистая дорога, какъ онъ благодаренъ за посылку къ нему придворной кареты, при чемъ Свѣчинъ съ замѣчательною безцеремонностью рассказалъ князю, какъ пришла ему въ голову эта счастливая мысль и какъ онъ сильно настаивалъ на ея исполненіи. Послѣ обѣда князь отпустилъ всѣхъ, а меня взялъ съ собою, говоря: „пойдемте, поговоримъ... мнѣ надо отдохнуть немного“.

Князь, дѣйствительно, легъ на диванъ, а меня усадилъ подлѣ и сказалъ: „ну, рассказывайте, что-нибудь!“ Рассказчикъ я былъ чрезвычайно плохой, и подобныя порученія всегда страшно меня затрудняли; однако, я передалъ ему все, что зналъ и считалъ для него интереснымъ, не исключая сѣтованій и надеждъ Свѣчина... Въ сотый разъ я долженъ повторить, что князю, я убѣжденъ, не были нисколько интересны мои рассказы; ему было пріятно, я тоже глубоко въ этомъ убѣжденъ, имѣть подлѣ себя, въ минуты или очень хорошія или очень свѣрныя, человѣка, преданнаго ему, сочувствовавшаго ему, прежде всѣхъ угадавшаго и оцѣнившаго его высокія государственныя дарованія; человѣка, постоянно вѣрившаго въ его возвышеніе и слѣдившаго за нимъ, шагъ за шагомъ, по пути этого возвышенія... Именно, во имя этой вѣры, этой привязанности, князь и раздѣлялъ со мною замѣчательные моменты его жизни. Такъ было и здѣсь. Князь лежалъ съ закрытыми глазами. Я продолжалъ говорить, что приходило на умъ; а когда ничего не приходило—я молчалъ. Полагая, что я могу молчать и въ другихъ комнатахъ, безъ всякаго ущерба для князя, я иногда приподнимался съ намѣреніемъ удалиться; но князь съ тѣми же закрытыми глазами говорилъ: „куда вы? Сидите!“ Иногда, вдругъ, открывъ глаза, князь рассказывалъ какую-нибудь мысль, воспоминаніе, предположеніе, а потомъ опять закрывалъ глаза и погружался въ молчаніе. Между прочимъ, онъ говорилъ: „мнѣ надо сегодня сдѣлать три визита: митрополиту, Ермо-

лову и генералъ-губернатору. Завтра никуда не поѣду, а послѣ завтра въ Петербургъ "... Дѣйствительно, удовольствовавшись какимъ-нибудь получасомъ дремотнаго состоянія, князь одѣлся, спросилъ карету и отправился дѣлать предположенные визиты, а я возвратился къ своей семьѣ, которую оставилъ съ раннаго утра.

На другой день положительно вся аристократическая часть Москвы пришла въ движеніе. Кареты непрерывно то подъѣзжали къ крыльцу дворца, то отъѣзжали. Но князь, вообще малодоступный, и не имѣлъ дѣйствительно времени принимать всѣ визиты праздыхъ московскихъ аристократовъ. Принимались только тѣ, которыхъ не принять было невозможно. Престарѣлый митрополитъ, святая личность котораго вселяла въ каждомъ невольное къ нему благоговѣніе, сидѣлъ у князя довольно долго. Потомъ, помню, оставались у князя тоже долго Ермоловъ, въ одно время съ Шамилемъ, пріѣхавшимъ для свиданія съ княземъ изъ Калуги, и мы, окружающіе князя, не могли не обратить вниманіе на соединеніе въ этотъ моментъ такихъ личностей, какъ князь Барятинскій, Ермоловъ и Шамиль!. Въ этотъ день свита, а въ ея составѣ и я, обѣдала отдѣльно и должна была отдать справедливость роскоши, которою московское придворное вѣдомство страшно отличилось въ эти дни. Вечеромъ мы цѣлой толпой ввалились въ какой-то театр...

Отъѣздъ нашъ въ Петербургъ сопровождался великою торжественностью. Кругомъ станціи были огромныя толпы народа. Намъ отвели царскія комнаты и приготовили царскіе вагоны. Генералъ-губернаторъ и толпы раззолоченныхъ генераловъ провожали насъ. Князь помѣстился вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ родныхъ, которые выѣхали въ Москву къ нему навстрѣчу. Свита помѣстилась подлѣ въ особомъ отдѣленіи. Жена моя ѣхала особо. Упоминаю это обстоятельство потому, что съ нимъ связаны послѣдующія событія, о которыхъ буду говорить. Въ переѣздѣ этомъ я не помню ничего особенно достопримѣчательнаго. На петербургской станціи князя ожидала также торжественная встрѣча. Царскіе экипажи перевезли князя въ Зимній дворец...

Я рѣшительно отказываюсь отъ изображенія ряда торжествъ, которыми Петербургъ, по волѣ государя, осыпалъ князя въ этотъ періодъ. Самъ князь говорилъ мнѣ, что государю угодно было предудредить весь придворный міръ и въ особенности прежнихъ его пріятелей, объ устраненіи всякой фамильярности въ отношеніи къ князю, поставленному въ такое высокое положеніе. По всѣмъ признакамъ видно было, что государь желалъ воздать своему старому другу, украсившему своими дѣлами его царствованіе, — всевозможныя почести. Казалось, что самъ государь рѣшился отодвинуться на второй планъ,

чтобъ выдвинуть рельефнѣе и блестящѣе личность князя. Началось съ торжественнаго представленія ему въ самомъ дворцѣ всѣхъ высшихъ государственныхъ чиновъ. Государь настоятельно требовалъ, чтобы князь предсталъ предъ собраніемъ этихъ чиновъ съ великолѣпнымъ и довольно массивнымъ фельдмаршальскимъ жезломъ въ рукахъ. Я живо помню этотъ день; странно было видѣть, когда престарѣлые, маститые генералы и царедворцы, едва передвигая ноги, заходили, предъ торжественнымъ представленіемъ князю, сдѣлать ему частный визитъ, ему, молодому, сравнительно съ нимъ, человѣку, котораго они помнили корнетомъ и корнетомъ шаловливаго, буйнаго поведенія, человѣку, которому нѣкогда считали достаточнымъ слегка улыбнуться съ высоты своего величія и нестолько во вниманіе къ его личности, сколько во вниманіе къ его аристократическому происхожденію. Какой-нибудь министръ императорскаго двора, старый графъ Адлербергъ, долженъ былъ представляться почти мальчику, котораго онъ зналъ однимъ изъ товарищей его сыновей... Адъютанты князя были разсыпаны въ дворцовой залѣ, гдѣ должно было происходить торжественное представленіе, съ обязанностью дать знать, когда всѣ соберутся. Князь, совершенно готовый, съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ этого момента, и когда онъ наступилъ, когда князь долженъ былъ представить предъ собраніемъ всего, что только государство имѣетъ знатнаго, высокаго, доблестнаго и заслуженнаго, на прекрасномъ лицѣ его можно было замѣтить признаки нѣкотораго волненія...

Повторяю, что трудно передать, день за день, всѣ почести, какія воздавались князю, одинъ за другими. Я помѣстился съ своимъ письменнымъ столомъ въ пріемной залѣ князя, подлѣ его кабинета и, слѣдовательно, видѣлъ все, что происходило. Я видѣлъ постоянный приливъ и отливъ экипажей къ подъѣзду и отъ подъѣзда; я постоянно видѣлъ знатныхъ лицъ, входящихъ къ князю и выходящихъ отъ него; я видѣлъ почти каждый день государя, посѣщающаго князя; я видѣлъ покойнаго наслѣдника и великихъ князей, почтительно ожидающихъ очереди пріема княземъ; я видѣлъ, какъ родная и любимая сестра князя, Ольга Ивановна Давыдова, сидѣла иногда по нѣсколькимъ часамъ въ пріемной князя въ ожиданіи возможности войти къ нему въ кабинетъ и, потерявъ надежду дождаться этого момента, уѣзжала; я видѣлъ, какъ мужъ ея, Орловъ - Давыдовъ, вынужденъ былъ, чтобъ добиться аудіенціи у князя, обратиться къ моему посредничеству, о которомъ я выше говорилъ; я видѣлъ, какъ многія лица, входя ежедневно въ пріемную, послѣ нѣсколькихъ часовъ бесполезнаго ожиданія, уходили для того, чтобъ завтра снова придти...

Одинъ изъ такихъ господъ, старый, сѣдой генералъ, и теперь какъ будто предъ моими глазами. Надо вообще замѣтить, что въ это

достопамятное время, обязанности адъютантовъ князя, обыкновенно самыя пустѣйшія, дѣлались весьма серьезными. Тутъ требовались отъ нихъ и особенная ловкость и особенное соображеніе. Разумѣется, существенный вопросъ состоялъ въ томъ, о комъ доложить и о комъ не докладывать, кого принимать и кого не принимать? Какъ ни прилаживались адъютанты князя къ этому вопросу, почти ни одного дня не проходило, чтобъ князь не распекалъ того или другаго адъютанта за ихъ неловкость и отсутствіе смѣтливости. Эти постоянныя распекающія привели ихъ къ тому, что они принимали самое избранное меньшинство, а большинству отказывали, несмотря ни на какія убѣжденія. При существованіи этого суроваго принципа именно и являлся тотъ престарѣлый генералъ, о которомъ я упомянулъ. Когда только онъ появлялся — всѣ уже ожидали комедіи, которая будетъ разыграна между нимъ и дежурнымъ адъютантомъ, задача котораго состояла въ томъ, разумѣется, чтобъ прилично и спокойно сбыть съ рукъ этого ужаснаго старика.

Само собою разумѣется, что адъютанты не могли держаться въ подобныхъ случаяхъ одинаковыхъ приемовъ, приемы эти были столько же различны, сколько были различны личности самихъ адъютантовъ. Нѣкоторые изъ адъютантовъ, довольно сурово заявивъ, что князя и сегодня видѣть нельзя, удалялись отъ несчастнаго старика, и предоставляли ему или ѣхать домой и снимать свои регалии, которыми онъ, вѣроятно, не безъ труда украсился или усаживаться въ кресло и ждать на-удачу. Другіе, наиболѣе деликатные, пускались въ разсужденія съ симъ ветераномъ, сочувствовали его положенію. Одинъ изъ такихъ адъютантовъ, именно Авиновъ, представлялъ собою олицетворенную любезность и потому сдѣлался положительно жертвою сѣтованій этого старика. Когда Авиновъ самымъ пріятнѣйшимъ образомъ убѣждалъ старика „пожаловать завтра или послѣ завтра“ съ единственною цѣлью перекинуть его на руки другому адъютанту, старикъ говорилъ: „Батюшка вы мой! Вы, можетъ быть, думаете, что у меня какое-нибудь дѣло къ князю или просьба. Никакихъ дѣлъ и просьбъ нѣтъ. Я только хочу взглянуть на него, обнять его и поцѣловать. Больше мнѣ ничего не нужно. Вѣдь я вотъ какого маленькаго князя зналъ“ и при этомъ сѣдой генералъ показывалъ рукой, какой маленькій князь былъ, когда онъ его зналъ. Любезный Авиновъ, послѣ различныхъ, съ своей стороны, объясненій, становился рѣшительно втупикъ. Старикъ только и твердилъ, что ему болѣе ничего не нужно, какъ обнять и поцѣловать князя. Растерянный и сбитый Авиновъ, наивѣжливѣйшимъ образомъ, говорилъ: „Ваше превосходительство! Если вамъ это не къ спѣху, то неуждно ли пожаловать завтра; вѣроятно, князь будетъ свободнѣе и съ удовольствіемъ васъ приметъ!“

„Хорошо, батюшка, хорошо!“ отвѣчалъ старикъ, „пріѣду завтра. Благодарю покорно. Мнѣ только обнять и поцѣловать князя. Больше мнѣ ничего не нужно. Просьбъ и дѣлъ у меня никакихъ нѣтъ!“ и съ этими словами плелся домой...

Являясь на другой день, старикъ, разумѣется, встрѣчалъ уже другаго адъютанта, который уже безъ всякихъ любезностей, твердо и рѣшительно говорилъ: „Князь сегодня никого не принимаетъ!“ Старикъ, встрѣченный такъ сурово, прежде всего вздыхалъ, потомъ бросалъ тоскливый взглядъ на толпу, которая вѣчно находилась въ пріемной князя, какъ бы отыскивая въ ней своего милаго, любезнаго пріятеля, и потомъ, постоявъ въ какомъ-то недоумѣніи нѣсколько минутъ, снова возвращался восвояси, а на другой день снова появлялся въ пріемной князя. Случалось такъ, что „перебрасываемый адъютантами“ съ одного дежурства на другое, старикъ являлся въ тотъ день, когда, по дошедшей очереди, Авиновъ былъ вновь дежурнымъ. Свитская толпа съ жестокимъ наслажденіемъ сосредоточивала на нихъ усиленное вниманіе. Лицо старика тотчасъ принимало сіяющій видъ; глаза его какъ будто говорили: „кончились мои мученія! спаситель мой здѣсь!“ Онъ съ восторгомъ и упованіемъ обращался къ Авинову. Авиновъ, напротивъ, прежде всего, краснѣлъ сильнѣйшимъ образомъ, въ ожиданіи новыхъ усиленныхъ атакъ и въ сознаніи совершенной необходимости вновь отказать почтенному старику. Присутствіе шаловливыхъ и насмѣшливыхъ товарищей, которые съ нетерпѣніемъ ожидали имѣющаго произойти объясненія, еще болѣе дѣлало затруднительнымъ его положеніе. Старикъ мягко начиналъ: „здравствуйте, мой почтенный! Какъ ваше здоровье?“ — „Благодарю покорно!“ отвѣчалъ Авиновъ. „Ваше превосходительство не изволили еще видѣть князя?“ — „Нѣтъ еще, мой батюшка!“ говорилъ старикъ, „вообразите: каждый день рѣшительно пріѣзжаю сюда и никакъ не могу, что хотите, добиться взглянуть на князя, обнять его и поцѣловать!“ „Къ величайшему сожалѣнію“, любезно замѣчалъ Авиновъ, „сегодня князь положительно приказалъ просить извиненія у всѣхъ, кто его посѣтитъ, что принять не можетъ, потому что занятъ важными и спѣшными дѣлами, которыя князь готовитъ къ докладу государю“. Затѣмъ начиналась безконечная и довольно комическая борьба ветерана съ Авиновымъ. Ветеранъ въ сотый разъ объяснялъ, что дѣлъ и просьбъ у него никакихъ нѣтъ, и что ему только нужно обнять и поцѣловать князя. Авиновъ снова доказывалъ, что „если это не къ спѣху“, то лучше отложить до завтра, когда князь будетъ свободнѣе и „съ удовольствіемъ приметъ его превосходительство“... Молодежь значительно переглядывалась; нѣкоторые не выдерживали и просто фыркали. Авиновъ понималъ эти звуки

и употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы самому не расколотаться...

Я видѣлъ какія-то депутаціи, являвшіяся къ князю съ представленіемъ дипломовъ, съ изложеніемъ приглашеній. Такъ, между прочимъ, одна депутація поднесла ему дипломъ на званіе почетнаго члена императорской военной академіи; другая депутація приглашала князя на торжественный обѣдъ англійскаго клуба... Я тоже былъ на этомъ обѣдѣ потому, что вмѣстѣ съ княземъ приглашены были и всѣ состоящіе при немъ. Можно безошибочно сказать, съ одной стороны, что едва-ли англійскій клубъ давалъ когда-нибудь и кому-нибудь такіе торжественныя обѣды, а съ другой—и князь едва-ли когда-нибудь былъ, въ другой разъ, героемъ подобнаго торжества. Вся знать петербургская рѣшительно наполнила въ этотъ день залы клуба. Въ той залѣ, гдѣ должна была совершаться встрѣча князя, какъ говорится, булавки уронить нельзя было: до такой степени было тѣсно... Въ извѣстный моментъ князь появился стройный, величавый, прекрасный! Привѣтственные крики смѣшались со звуками музыки. Скоро всѣ разсѣлись за столы. Говорить нечего о томъ, что обѣдъ былъ роскошенъ до крайней степени. Въ концѣ обѣда начались тосты и спичи. Князь отвѣчалъ не блистательно, но прилично. Сущность этихъ отвѣтовъ состояла въ томъ, что онъ только довершилъ труды своихъ предшественниковъ. Скромность такого заявленія производила прекрасное впечатлѣніе на собраніе и именно, помня это впечатлѣніе, я такъ упорно и протестовалъ, когда потомъ краснорѣчивый Фадѣевъ, въ введеніи къ отчету князя, хотѣлъ доказывать, что предшественники его ровно ничего не понимали, а что все понялъ, уразумѣлъ и сдѣлалъ только одинъ князь. Послѣ обѣда перешли въ другія залы, гдѣ началось изготовленіе жженки и уже полились непрерывныя и нескончаемыя спичи. Самымъ эффектнымъ ораторомъ явился старикъ Гречъ, который превозносилъ князя выше небесъ... Я помню, онъ, между прочимъ, выразилъ ту мысль, что дотолѣ у Россіи не было руки, что теперь рука эта явилась, въ лицѣ князя и что затѣмъ государство можетъ быть покойно и благополучно... Рѣчамъ Греча, которыя онъ, по обычаю, пересыпалъ шутками и остротами, съ неистовствомъ аплодировали. Говоруновъ было чрезвычайно много, но они далеко не имѣли такого громаднаго успѣха, какой выпалъ на долю Греча. Князь постоянно раскланивался и отвѣчалъ немногими словами. Шумныя рукоплесканія непрерывно раздавались въ залѣ, то въ пользу оратора, то въ пользу князя. Казалось, и казалось справедливо, что въ этотъ моментъ князь вполнѣ достигъ той популярности, о которой такъ усердно заботился всю жизнь, и что популярность эта будетъ крѣпнуть болѣе

и болѣе... Можно ли было, въ этотъ достопамятный моментъ, думать, что эти столь живые признаки популярности исчезнуть безслѣдно, что князя, на котораго съ такимъ сочувствіемъ и почтеніемъ смотрѣли въ этотъ моментъ, совершенно забудутъ, а если и будутъ иногда вспоминать, то съ чувствомъ какого-то недоброежелательства, неприязни, хотя князь не сдѣлалъ рѣшительно ничего такого, что бы оправдывало это забвеніе и это недоброежелательство...

Я видѣлъ парады, устроенные государемъ въ честь князя... Одинъ изъ этихъ парадовъ, самый парадный, былъ очень неудаченъ для князя. За нѣсколько дней до этого парада князь началъ чувствовать признаки старой своей пріятельницы—подагры. Въ самый день парада она налегла на князя болѣе положительнымъ и внимательнымъ образомъ. Я живо помню, какъ въ ожиданіи момента, когда князь долженъ былъ сѣсть на лошадь, чтобъ присоединиться къ государю, онъ ходилъ по комнатѣ, кряхтѣлъ, по обычаю капризничалъ и говорилъ, что этотъ парадъ, отъ котораго онъ не имѣлъ возможности отказаться, убьетъ его. Между тѣмъ, когда наступило время, онъ, хотя чрезъ силу, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Я смотрѣлъ этотъ парадъ изъ оконъ дворца и, разумѣется, болѣе всего обращалъ вниманіе на князя. Увы! блестящая обыкновенно фигура князя, облеченная на этотъ разъ въ зимнее пальто и несомнѣнно страдающая, не имѣла въ себѣ ничего блестящаго. Съ видимымъ, для опытнаго глаза, трудомъ онъ кое-какъ галопировалъ подлѣ государя, но такъ неловко, такъ болѣзненно, что мнѣ какъ-то досадно было на него смотрѣть. Скоро наступило заключеніе, котораго надобно было ожидать. Князь не могъ выдержать всего парада; въ половинѣ его онъ оставилъ государя, подѣхалъ къ своему подѣзду и не имѣлъ уже силъ самъ сойти съ лошади. Его сняли съ сѣдла адъютанты и казаки и на рукахъ внесли въ комнаты. Отсюда началось длинное болѣзненное его состояніе... Въ этомъ именно состояніи его и перенатывали на особыхъ креслахъ въ тѣ комнаты, гдѣ, какъ я выше говорилъ, собирался комитетъ, подъ предсѣдательствомъ самого государя и при участіи императрицы для установленія основаній общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, учрежденіе котораго было самымъ главнымъ предметомъ дѣловыхъ занятій князя въ этотъ періодъ.

Припоминая другія изъ гражданскихъ дѣлъ, которыя были обработаны въ это время, я могу привести два, наиболѣе важнѣйшія. Выше я говорилъ уже, что, при самомъ назначеніи князя кавказскимъ намѣстникомъ, онъ исходатайствовалъ себѣ нѣкоторыя особенныя права, что въ числѣ этихъ правъ было право преобразовать главное управленіе и что, наконецъ, на основаніи этого права учреждены

были на Кавказѣ различные департаменты; но какъ общія права, испрошенныя княземъ, такъ и учрежденіе департаментовъ имѣли характеръ временный, и срокъ, данный для того и для другаго, т. е. срокъ опыта, истекалъ именно въ концѣ 1859 г. На мнѣ, какъ представитель гражданскаго кавказскаго міра въ Петербургѣ, лежало двинуть и разрѣшить этотъ вопросъ. Я началъ съ того, что вошелъ въ совѣщаніе съ В. П. Бутковымъ о способѣ этого разрѣшенія. Съ обычною быстротою Бутковъ, всегда и во всемъ угождавшій князю, а теперь еще болѣе, чѣмъ когда-либо, подъ вліяніемъ его славы и могущества, тотчасъ выразилъ ту мысль, что, такъ какъ князь занятъ былъ доселѣ преимущественно военными интересами Кавказа, то надобно испросить высочайшее соизволеніе, чтобы срокъ опыта продолженъ былъ еще, по крайней мѣрѣ на три года съ тѣмъ, чтобы право преобразованія распространено было не только на различные части главнаго управленія, но и на губернскія учрежденія. Для намѣстника и для гражданскаго управленія Кавказа не могло быть ничего лучше и пріятнѣе. Въмѣсто того, чтобы о новыхъ учрежденіяхъ, о новыхъ должностяхъ, о новыхъ расходахъ, испрашивать каждый разъ чрезъ различные инстанціи, утвержденіе государя—все это могло дѣлаться въ домашнемъ, такъ сказать, кругу, властію намѣстника. Въ этомъ смыслѣ самимъ Бутковымъ составленъ былъ всеподданнѣйшій докладъ, который, разумѣется, и утвержденъ. Къ сожалѣнію, должно замѣтить, что это страшное, необъятное, право не рѣдко употреблялось во зло мѣстными дѣятелями: каждый естественно старался примѣнить его къ своимъ пользамъ и оттого, въ силу этого прекраснаго по существу права, на Кавказѣ надѣлано столько ненужныхъ учрежденій, бесполезныхъ должностей въ главномъ и мѣстномъ управленіи, что, какъ говорится, „чортъ ногу переломить“...

Другое дѣло было такого рода. Въ разсказахъ моихъ о преобразованіи главнаго управленія на Кавказѣ я упоминалъ, между прочимъ, что въ числѣ основныхъ началъ этого преобразованія я предлагалъ уничтоженіе существовавшихъ тамъ округовъ учебнаго, почтоваго и таможеннаго, и что мысль эта, вслѣдствіе сильной оппозиціи, возникшей противъ нея, отложена была княземъ до времени. Въ петербургскихъ суетахъ, которыми былъ поглощенъ князь, я менѣе всего могъ предполагать, чтобъ онъ вспомнилъ эту старую идею. Между тѣмъ, въ одно прекрасное утро, лишь только я явился во дворецъ, какъ князь потребовалъ меня къ себѣ и объявилъ, что онъ рѣшился осуществить эту идею и, упразднивъ округа, подчинить части, которыми они завѣдывали, губернаторамъ. Упраздненіе округовъ, предложенное мною, разумѣется, я вполне раздѣлялъ; но мысль подчи-